

Павел Пепперштейн

художник, писатель, философ, режиссер

«Я вам всё компенсирую йогуртами»

Владик вкатился, как веселый колобок, в поле моего зрения. Всегда подпрыгивающий, поющий, пританцовывающий и дико всех смешающий.

Как-то раз мы собирались идти на какую-то вечеринку. Группа друзей собралась у Антона Смирнского дома, на Чистых прудах. И как-то вот Владик решил, что перед вечеринкой он должен помедитировать как-то, полежать в одиночестве, и удалился в комнатку. И через какое-то время, зайдя туда, я увидел поразительную сцену. Точнее, даже не в эту комнатку, а я зашел на кухню. И вдруг увидел, что Владик... А да, надо сказать, что Владик был в роскошных кирзовых офицерских сапогах в тот вечер. Я увидел, как Владик достал из шкафа бутылку с подсолнечным маслом и для чего-то заливает масло в сапоги.

Я поинтересовался, типа «Владик, ты че делаешь? Нахуя ты это делаешь типа?» На что Владик сказал, что он лег помедитировать, но сапоги не снимаются. А медитировать в сапогах как-то обломно. Самое удивительное, что сапоги все равно не снялись, и мы пошли на вечеринку. И Владик шел, хлюпая невероятно подсолнечным маслом. Каждый его шаг в этих роскошных офицерских сапогах, напоминающих сапоги Штирлица, был озвучен невероятным жирным хлюпаньем подсолнечного масла.

В результате, конечно же, не просто как бы остались какие-то пузырьки смеха, но гигантская мифология. Кроме роскошных творческих подвигов, кроме прекрасных образов, которые исчисляются десятками, в которые он очень легко и виртуозно перевоплощался, прежде всего надо сказать, что Владик стал героем мифов и легенд, даже анекдотов.

То есть его в этом смысле можно сравнить с такими персонажами, как Чапаев, Штирлиц либо Пушкин и так далее, и так далее. Поскольку, конечно же, ясно, что Владик гениальный художник, хочется еще сказать, что он и гениальный писатель. И осознание этого факта, видимо, дело будущего.

Я надеюсь, впереди издание его писем и других сочинений. Потому что Владик блестяще владел словом и является роскошным сокровищем русской литературы. Видимо, следует рассказать какую-то дзенскую историю.

Мне вспоминается история, которая получила хождение под названием «Я вам всё компенсирую йогуртами».

Это рассказали Миша Стойко и Лика Багдасарян, общие наши друзья.

Как-то раз, уже поздно ночью, они собирались спать. Вдруг кто-то позвонил в дверь. Они открыли и увидели Владика, который нес в руках огромную охалку йогуртов. Он радостно им сообщил, что пришел с презентации каких-то молочных продуктов и вот

как бы принес им йогурты. Они, конечно, очень обрадовались и сказали, что вот как бы «мы уже тут собираемся спать, собираемся укладываться на супружеское ложе, а вот тебе Владик кровать, если ты захочешь поспать». И улеглись на супружеское ложе.

Когда они попытались заснуть, они вдруг услышали, что Владик ходит туда-сюда по комнате. При этом хотя они видели, что Владик снял ботинки и находится без обуви, тем не менее слышали какое-то странное постукивание. И когда Миша приподнял голову от подушки, его разобрало любопытство, что является источником этого звука. Он увидел, что Владик ходит босиком. Но при этом...

Притом что Владик явился очень разряженный, надушенный и дико модный, они увидели, что он настолько, видимо, долго забывал подстричь ногти на ногах, что они загнулись колечками и при ходьбе издают специфическое постукивание.

Удовлетворив свое любопытство, Миша Стойко уронил голову обратно в подушку, думая, что теперь он, наверное, поспит. Но на него и на Лику со всего размаха упал Владик. Спинай. И стал вальяжно при этом курить сигарету, лежа сверху. На вопрос «Ты что, Владик, охуел?» Монро крайне расслабленно и важно ответил: «Я вам всё компенсирую йогуртами».

Вот это, конечно, один из бесконечных примеров такого дзена по жизни, которыми Владик награждал своих друзей, просто какими-то перлами.

Заморозко. 1990–е. Цветная фотография, фломастер, гуашь, расцарапка. Архив Тимура Новикова

Кто мог эти перлы переварить, тот переваривал, кто не мог — тоже переваривал. Но в целом это был действительно гейзер и фонтан такого рода перлов. Ну как бы не только такого рода, а любого вообще рода перлов, жемчужин, алмазов, халцедонов, сапфиров, рубинов и других драгоценных камней, включая невероятно остроумные замечания, рассказы, поступки и произведения.

Так образовывался целый космос, который, надо сказать, был очень гостеприимно распахнут для всех. Даже можно сказать, что этот космос не то чтобы приглашал в гости, а он сам приходил.

Да, то есть можно сказать, что в этом космосе не было гостей, потому что этот космос сам всегда был гостем. Он приходил, его можно было лицезреть. В нем соучаствовать. Потом космос укатывался, ну как и положено космосу. Космос же шарообразный.

Познакомились мы с Владиком (не помню, как это было) где-то на переломе 1980-х и 1990-х годов. Зато очень хорошо помню, наверное, первый момент, когда он мне врезался в сознание.

Был день рождения Сережи Ануфриева, то есть это был 1990 год, и мы вначале встретились с Сережей и с Африкой. Втроем решили, что мы будем тусоваться, специально не будем планировать день рождения, что он как-то сам собой организуется. И так, конечно, и получилось.

Сначала по предложению Африки мы ездили на машине. Потому что у него был мешок презервативов, который какая-то компания вручила ему в рамках борьбы со СПИДом, и мы ездили, раздавали девушкам презервативы и заодно с ними знакомились.

Потом мы пошли на вернисаж какой-то выставки. И в результате всего оказались в домике, такой был Магнус, шведский то ли посланник, то ли культурный атташе, который обитал в собственном домике в центре Москвы. Совершенно импровизированно создан роскошный день рождения, который при этом сопровождался импровизированным и совершенно роскошным концертом. Именно здесь я видел Владика впервые в роли шоумена, можно сказать, на сцене, хотя сцены не было. Владик спел свою коронную песню «Премит январская вьюга». Все дико разрыдались и одновременно рассмеялись.

Затем выступил, очень круто тоже, Гор Чахал, который пел свои гордые песни. Потом выступила звезда нашего рока Жанна Агузарова с прекрасным исполнением своих невероятных песен. В результате концерт очень мощно завершила жена посланника, которая исполнила песни своей родины. Какие-то шведские, а может быть, даже исландские баллады на родном языке. Что всех до глубины души потрясло и повергло в состояние северного мистицизма и магизма.

В общем, все это было невероятно весело, и мы с Владиком подружились и долго очень дружили. Конечно, никакую дружбу нельзя описать словами. И в принципе о ней вообще невозможно рассказать.

Однажды в Берлине мы с ним пришли на пресс-конференцию выставки «Москва — Берлин». Официальная пресс-конференция, министр культуры Германии, бургомистр и так далее. Владик пришел в виде Гитлера.

Причем он очень аккуратно подошел к вопросу. Он полностью преобразился в Гитлера, но при этом обошелся без какой-либо нацистской символики. То есть придраться было как бы не к чему. Человек такой с усиками, с портфельчиком, без каких-либо свастика или чего-то такого. Мы специально сели в первом ряду, прямо перед лицом всех этих важных особ, которые сидели за специальным столом и давали пресс-конференцию.

Владислав Мамышев-Монро в образе Адольфа Гитлера. Берлин, 2005. Архив Фонда ММ

Владик устроил невероятный мимический как бы концерт. Что, кстати говоря, было полной инновацией. Потому что мы знаем мимику Гитлера в основном по его выступлениям. А Владиду удалось изобразить слушающего Гитлера, причем виртуозно. Он постоянно демонстрировал невероятную увлеченность произносимыми речами. Экспрессивно наклонялся вперед, сжимал руки, иногда ронял кожаный портфель, который сжимал под мышкой.

Я видел, как люди морозятся за этим. Все эти министры германские, видя, что выступают неожиданно перед самим фюрером. Как у них по лицам пробегают волны паники, потому что непонятно, как это все воспринимать.

С одной стороны, вроде бы скандал, а придраться-то как бы не к чему. То есть нет никаких фашистских значков, ленты со свастикой, ничего такого нет. Но перед ними сидит Гитлер.

Из их коллективного бессознательного, видимо, выплывало очень двойственное желание. То ли дать ему пиздюлей, то ли, наоборот, как-то вежливо вытянуться в струнку перед ним. Или еще как-то отреагировать.

Никак отреагировать они вроде бы не имели права. Соответственно, они держали себя в руках. Характер у них был нордический, выдержанный. И все получилось. Но далось им это нелегко, потому что, конечно, Владик делал все, чтобы вывести их из равновесия.

Они выдержали, а я, конечно, не выдержал. И периодически ползал там где-то, возле Гитлера, от хохота. Был шанс, что меня выведут из зала вместо Гитлера, который как раз вел себя вполне прилично.

В другой раз, я помню поздний-поздний вечер. А может быть, даже ночь. Как я иду по Покровке в Москве, падает снег, такая романтическая московская ночь. Хрустящий такой, искрящийся январский снежок, который так Владик любил воспевать в песне «Гремит январская вьюга». И действительно, можно сказать, сквозь январскую вьюгу ко мне приближается показавшийся мне гигантским православный священник. Мне казалось, что это почти великан — очень толстый, большой священник. Я подумал, что надо же, какие священники крупные бывают.

Когда мы сблизились, я увидел, что это Владик. Дико румяный, дико веселый, где-то откормившийся невероятно, он ликующе сообщил мне, что у него хорошее настроение, потому что он развелся с женой. Я был немного поражен, потому что успел забыть, что у Владика, оказывается, есть жена. Монро радостно сказал, что развелся и идет тусоваться. То, что как бы имелось в виду, — что он вернулся в родные себе ориентиры.

Конечно, очень много еще можно рассказать про Владика.

Владик был большим поклонником классической музыки, и особенно любимым его композитором был Жан-Батист Люлли. Он так заражал окружающих любовью к этому композитору, что один раз, придя в некую сильно запущенную, заброшенную квартиру, которую Владик временно занимал в центре Москвы, я увидел двух рослых охранников. Уж не знаю, откуда они прибыли. То ли это были охранники супермаркета, то ли еще чего-

то. Видимо, это были охранники 1-й аптеки. Они лежали рядышком с возвышенными лицами, с открытыми глазами и слушали музыку Жан-Батиста Люлли, которая звучала на полной громкости. Самого Владика в квартире не оказалось.

Владик говорил, что он прошел огонь, воду и медные трубы. После огня — известного пожара в квартире Лизы Березовской — последовала вода. Это был знаменитый потоп клуба «Птюч», который осуществил Владик, когда в очередной раз все тусовались, а он зашел в туалет и, закрывшись там, видимо, воспарил духом. В этот момент он решил помыть руки. Включил воду на полную мощность, но тут, как назло, перед ним оказалось зеркало.

Владик, как настоящий нарцисс, был полностью заворочен собственной внешностью. В этот момент у него было откровение. Вдруг он увидел перед собой самое прекрасное существо мироздания. При этом он как-то уже забыл, что это он сам. Просто увидел ангела небесного поразительной красоты. Владик не мог понять, откуда пришло это существо, из какого измерения оно к нему явилось. Воздействовало оно так же, как на Нарцисса его собственное отражение в воде. То есть зрелище его обездвижило.

Прошло много времени, вода текла. Тем временем очень большое количество желающих пописать, а также другие какие-то надобности выполнить, выстроилось к этой двери в тубзик, из-под которой уже стала просачиваться вода. Потом стали пытаться открыть эту дверь, но это было практически невозможно. Действие происходило в бывшем бункере, и дверь была очень серьезная, крайне толстая и так далее.

В итоге, конечно, нашли человека, обладающего каким-то специальным рычагом для открытия бункерных дверей. Возможно, это был человек, еще уцелевший с тех времен, когда там действительно был бункер для ядерной войны. Он открыл наконец эту дверь, и оттуда хлынул гигантский поток воды, который вынес, как бледный цветок, тело Владика. Очень довольного, очарованного. Да, по-прежнему очарованного. Вода бурным потоком залила всех присутствовавших.

Что же касается медных труб, то я не могу вспомнить, в чем состояла эта фаза сакраментального прохождения разных уровней. Думаю, что какая-то конкретная история сохранилась в понятии «медные трубы», но почему-то мне она не вспоминается.

В общем-то, конечно, ощущение есть, что Владик продолжает где-то с нами тусоваться. И где-то сейчас придет, войдет и всех снова как-то обрадует, рассмешит. И, в общем-то, нет ощущения, что его нет. Есть ощущение, что он есть! Владик является, безусловно, гордостью русской культуры, ее сокровищем. Я думаю, что это уже осознали очень многие, и скоро осознают все.

Интервью: Сергей Чубраев